

To cite text:

Menshikov, Andrey (2022), "Этос военачальника в современных войнах (по воспоминаниям командующих ограниченным контингентом советских войск в Афганистане и объединенной группировкой войск в Чечне)", *Philosophy and Society* 33 (4): 777–798.

Андрей Меньшиков

ЭТОС ВОЕНАЧАЛЬНИКА В СОВРЕМЕННЫХ ВОЙНАХ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ КОМАНДУЮЩИХ ОГРАНИЧЕННЫМ КОНТИНГЕНТОМ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ И ОБЪЕДИНЕННОЙ ГРУППИРОВКОЙ ВОЙСК В ЧЕЧНЕ)¹

АННОТАЦИЯ

Современные нормативные подходы к этике войны, в частности теории справедливой войны, сталкиваются с апорией – с невозможностью теоретически оправдать коллективное организованное насилие войны. Антропологические подходы, обращающиеся к изучению практической этики военнослужащих, рассматривают моральный опыт и действительные ценности индивидов, оказавшихся в ситуации "тотального насилия". Опираясь на воспоминания генералов, командовавших войсками в Афганистане (Б. Громов) и в Чечне (Г. Трошев), автор анализирует этос военачальника в современных военных конфликтах. Показано, что стратегическое планирование военных операций неотделимо от политических целей, а потому военачальники вынуждены оценивать оправданность политических целей, наличие поддержки гражданского общества, рациональность применения военных средств, возможность выхода из военного противостояния. Оба генерала декларируют принцип сбережения жизни подчиненных военнослужащих в ходе достижения поставленных задач, но в первом случае этот принцип выражался в "замораживании" боевых действий, во втором же случае этот принцип требовал окончательного уничтожения противника, несмотря на возможные потери среди войск и мирного населения. Делается вывод, что этика войны и этос военачальника будут обусловлены тем, каким образом политическое руководство определяет противника. Представляется, что, по мнению обоих генералов, сама необходимость военных действий порождена некомпетентностью политиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этика войны, этос военачальника, ограниченный контингент советских войск в Афганистане, объединенная группировка войск в Чечне, моральные дилеммы, война и политика, стратегии выхода из войны

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект No 20-18-00240).

Введение

Мало кто ожидал, что изучение этики войны приобретет такую остроту в России двадцатых годов двадцать первого века. Хотя пропагандистское противопоставление “лихих девяностых” со “стабильностью” первых десятилетий двухтысячных сменилось “культом Победы”, война, по опросам социологов, оставалась главным страхом российского населения.

В исследовательской литературе интерес к проблематике насилия, в особенности к его новым формам (символическое, психологическое), уровням (микроуровни), сферам (домашнее, на рабочем месте и пр.), разрастается, но наиболее очевидный и наиболее ужасающий вид насилия – война – продолжает быть в центре внимания. С одной стороны, российские исследователи осваивают подходы к этике войны, разработанные в аналитической философии, и обсуждают современные реинкарнации теории справедливой войны (Копитерс и др. 2002; Куманьков 2019). С другой стороны, появляются новые типы военных конфликтов, существенно меняются способы их ведения (Калдор 2015; Мюнклер 2018; Кокошин 2018), поэтому возникают проблемные ситуации, требующие этической рефлексии, в том числе в русле русской философской традиции (Римский 2019).

Хотя попытки сформулировать этические рамки, которые позволяли бы давать моральную и правовую оценку действиям участников современных военных конфликтов, вызывают несомненный интерес, они скрывают фундаментальную проблему, которую война представляет для современной философской и этической мысли. Поскольку в центре современной этики находится представление о ценности личности, а следствием насилия, как подчеркивают Крепон и Вормс (Stépon, Worms 2015), всегда является разрушение, насилие не может быть оправдано на основании принципов, оно всегда “аморально теоретически”. Альтернативой этой философской делегитимации насилия может являться, например, метафизическое превознесение войны, которое апеллирует к доподлинным ценностям и идеалам (см. Меньшиков 2018)². В современной этике лишь арифметика меньшего и большего зла, а также перенос внимания

---

2 В современной исследовательской литературе К. Коукер отстаивает ценность героического милитаризма: “всякая война является злом, злом не в повседневном смысле, но мучительным и экстатическим разрывом со всеми законами и условиями. В сердце войны находится несовместимый с ценностями мирного времени избыток. Душа война переполнена этим избытком, этим несущим разрушение возвышенным, этим восторгом, ибо война действительно заставляет трепетать так, как не может никакой мир. Но мы остерегаемся тех, кто любит ее за такой разрыв” / “Every war is an evil not in any lay sense (the sense Keegan understands) but rather as a tortured and ecstatic rupture of all our laws and social conventions. At the heart of war lies an excess incompatible with the values we celebrate in peacetime. The warrior soul is at one with excess, with the sublime of destruction, with ‘awe’ – war is indeed awesome in a way peace is not. But we are suspicious of those who love it because of that rupture” (Coker 2007: 45).

с самого акта деструкции на иные уровни – цели, мотивы, причины, обстоятельства и т.п. – позволяют с той или иной степенью убедительности пытаться оправдать насилие из соображений неизбежности его применения в реальном мире. Как отмечает М. Крепон в своём интервью, “насилие не подлежит моральному оправданию, но признаётся необходимым”, тем самым идея “легитимного насилия” оказывается внутренне противоречивой (Crépon 2017).

Однако в отличие от обычных ситуаций насилия война не является инстинктивной (агрессивной или защитной) реакцией либо единичным (благонамеренным или злонамеренным) поступком. Война является рациональной политикой, то есть результатом сознательных, намеренных действий по применению масштабного насилия, включая технологии разрушения, по отношению к другим людям. Будучи, таким образом, организованным коллективным насилием, войны создают для индивида необходимость насилия не только в отношении противника (“врага” или “жертвы”), но в отношении себя и “своих”. Ведь приходится принуждать людей следовать приказам, заставляя их не только совершать насилие над другими, но и самим подвергаться насилию, идти на смерть. Таким образом, раз “объектом насилия” в войне выступают не только противники, но и “свои”, организованное коллективное насилие оказывается “ситуацией тотального насилия”.

Очевидно, что такая постановка вопроса делает моральное обоснование войны в рамках современных представлений о ценности индивида, о правах человека ещё менее возможной. Парадокс легитимности насилия отмечается П. Бояничем: только такое насилие, если и не оправдываемо, то приемлемо, которое ведёт к выходу из ситуации возможности насилия, к последующему преодолению самих условий возможности насилия (Боянич 2019). Имеющиеся стратегии морального отношения к войне – увеличение правовых и моральных барьеров для входа в войну (*jus ad bellum*), жесткая регламентация ведения войны (*jus in bello*), укрепление глобальных институтов предотвращения военных конфликтов, переброска ресурсов с поддержания инфраструктуры войны на практики миротворчества и миростроительства (Куманьков 2020) – лишь подчёркивают лежащее в их основе осознание принципиальной моральной неоправдываемости войны. Тотальное насилие войны становится, таким образом, абсолютным злом, антиподом морали современного общества, радикальной противоположностью самого ценностного ядра модерна.

В этой логике “этика войны” оказывается “апорией войны”, то есть неразрешимой в заданной системе координат, но такая постановка вопроса является абстрактной, препятствующей этической рефлексии. Напротив, участники военных действий являются моральными субъектами на практике, они совершают нравственный выбор и стремятся действовать в соответствии с ценностями. Именно поэтому в нашем исследовании мы обратимся к анализу морального опыта непосредственных участников боевых действий; перефразируя П. Боянича, к поиску

возможности нравственного поведения индивида, который стремится сохранить свою моральную субъектность в экзистенциальной ситуации “тотального насилия”.

Антропология морали и этика войны

Антропологический подход, в отличие от нормативного, обращен к изучению действительных ценностей, которые не столько декларируются и кодифицируются, сколько воплощаются (enacted) и проживаются (lived) индивидами в конкретных ситуациях. Как отмечает Дж. Зигон: “несмотря на непрекращающуюся какофонию моральных сомнений (moral questioning), большинство моих респондентов утверждают, что они способны поступать нравственно большую часть времени, не особенно задумываясь о своих поступках. Я полагаю, что это верно для всех людей и что именно эта способность быть неосознанно нравственным делает людей социальными существами” (Zigon 2008: 164)³. Война как коллективное организованное насилие, имея своим неизбежным следствием разрушение, тем не менее, опирается на взаимные моральные обязательства, на чувство долга, на идеалы самопожертвования, героизма, на социальную природу человека. Поэтому в качестве методологии мы будем опираться на антропологию морали (Zigon 2008), которая предлагает категории морального опыта, морального конфликта и морального срыва (breakdown), а также использует категорию моральной травмы (moral injury), которая указывает на “глубокую нравственную дезориентацию, проистекающую от болезненного осознания того, что нравственный компас “не справляется”, что, в свою очередь, ведет к болезненной этической переоценке собственных нравственных убеждений” (Molendijk 2018: 7)⁴. Именно эти категории позволяют видеть субъектность (moral agency) людей, поведение которых при такой оптике хотя и контекстуализировано, но не детерминировано ни фактическими обстоятельствами, ни абстрактными ценностями. Следовательно, не столько универсальное, сколько личное представляет для нас интерес, ведь “люди неразрывно связаны с другими — событиями, объектами, миром — неочевидным образом. Потому, частное, предвзятое, ситуационное, эмоциональное, телесно воплощенное, ограничивающее горизонт и им заданное существование в его разных модусах, а также изменчивые формы его выражения, раскрытия и сокрытия, оказываются наиболее важны” (Mattingly, Throop 2018: 483).

3 “[...] despite this constant cacophony of moral questioning, most of my interlocutors claim that they are able to act in ways that are morally appropriate most of the time without ever considering their actions. I suggest this holds true for all persons and that it is this ability to be nonconsciously moral that allows humans to be social beings” (Zigon 2008: 164).

4 “profound moral disorientation might result from the painful realization that one’s moral compass may “fail”, and that this in turn may engender a painful ethical re-assessment of one’s moral beliefs” (Molendijk 2018: 7).

Интересующая нас личная нравственность неизбежно изучается по личным документам. Проблематичность таких документов в качестве источника обсуждалась и в исторических науках, и в антропологии, и в литературоведении, где издание новых воспоминаний, дневников, писем или иных эго-документов породило дискуссии о том, можно ли военную документальную литературу считать литературой факта или она скорее является специфической риторической машиной, обусловленной литературными конвенциями, либо даже новаторским письмом, порожденным “внеположность(ю) приобретенного опыта”, который “требует экстраординарных способов отображения” (Давыдов 2005). Но поскольку наша задача – реконструировать этос, укорененный в моральном опыте войны, в котором смыкается нормативное и фактическое, ценностное и поведенческое, то мы будем исходить из того, что эго-документ не только необходимый, но и достаточный источник для анализа.

Этос воина и этос военачальника

В своей работе “Этос воина. Культура военнослужащих и война с террором” Кристофер Коукер отмечает, что “быть воином означает придерживаться своеобразного этоса. Всякий этос социален. Но главное в том, что солдат осознаёт ожидания других. Он быстро начинает идентифицировать себя со своим подразделением. Он хочет чувствовать их уважение. Лишь благодаря такой обобщенной идентификации он может утвердиться в собственной самооценке. В этом смысле всякий кодекс чести – убежденность в том, что у солдата обостренное чувство чести в сравнении с гражданскими – является некой формой институционального программирования” (Coker 2007: 92).⁵ Тем не менее, следует подчеркнуть, что “этос воина” не может быть единственным, ибо уже классические теоретики справедливой войны различали долг правителя по обеспечению справедливости, который сам мог и не совершать насилия, но, как искореняющий зло, он получал оправдание за приказ/суд о применении насилия, и долг солдата, который не принимает решение о насилии, но выступает лишь его инструментом, орудием справедливости. Тем самым в таком разделении функций исполняющего приказ и приказывающего сам акт насилия оказывался “без автора”. Однако сегодня, в том числе после процессов над многими военными преступниками, насилие “без автора” не бывает. Никто не является инструментом надличностного добра или беспристрастным судьей объективного зла, никто не свободен от

5 “To be a warrior is to subscribe to a specific ethos. Every ethos is social. The decisive step comes when the soldier recognises what is expected of him by others. He identifies very soon with other men in his unit. He wants to live in their esteem. Only by virtue of this generalised identification can he be confirmed in his own evaluation of himself. In that sense every honour code – the implicit belief that soldiers have a higher sense of honour than civilians – is a form of institutionalised programming” (Coker 2007: 92).

личной ответственности за совершаемое им или по его приказу насилие. Но степень ответственности и, вероятно, этические нормы, у исполнителей и военачальников будут разными, поскольку разнится их функционал, их, пользуясь термином П. Бурдые, диспозиция.

Среди работ по реконструкции морального опыта и разных этосов участников войн (солдат, медиков, священников, беженцев, партизан, операторов БПЛА и др.) по эго-документам можно отметить исследования Е.С. Черепановой (2021), А.С. Лунькова (2022), А. Дудчика (2021), А. Давлетшиной (2021), Г. Ведерникова (2020). Однако военачальники, как отмечено выше, требуют отдельного рассмотрения. В качестве материала для дальнейшего анализа мы будем использовать воспоминания Бориса Громова (Громов 1994) и Геннадия Трошева (Трошев 2004). Оба командовали войсковыми объединениями: первый – Ограниченным контингентом советских войск в Афганистане; второй – Объединённой группировкой войск Министерства обороны РФ в Чечне.

Обе войны оставили тяжелый след, хотя ни та, ни другая не именовались официально “войнами”. Первая обозначалась как “оказание помощи дружественному афганскому народу” (Авдонина 2015), а вторая – как “операция по восстановлению конституционного порядка”. В современной России эти войны скорее вытеснены из публичной сферы, оставаясь важными только для тех, кто был ими непосредственно затронут. Однако даже удерживаемые на периферии исторической памяти, эти войны продолжают вызывать противоречивые интерпретации⁶, ибо сочетали в себе конфликты разного масштаба (от локальных столкновений кланов, гражданских войн до геополитических противостояний) и вовлекали множество разных сил и интересов. Но не оценка событий или акторов, а возникающий на основе морального опыта этос военачальника будет для нас целью дальнейшего обсуждения.

Воспоминания генералов Громова и Трошева, имея общие черты – стремление упомянуть всех действующих лиц, отметить заслуги отдельных индивидов и целых подразделений, портретные вставки, – существенно различаются по интонации и представляют два своеобразных характера. Если повествование Громова отличается вниманием к фактологии, дополнениями из малодоступных документов, взвешенностью суждений, эмоциональной сдержанностью, ровностью языка, напоминающими

---

6 В частности противостоящие друг другу интерпретации причин, хода и итогов войны со стороны военных и специальных служб, олицетворяемых Громовым и Куликовым: “речь идет не просто о ведомственных, а о более фундаментальных разногласиях, обусловленных разным пониманием каузальности военной тяжести и безнадежности. Тяжелая потому, что безнадежная (из-за своих целей), или безнадежная, потому что тяжелая (из-за того, как идет война)? Военные высказали свою позицию в пользу первого. Разведчики – в пользу второго. Или вообще не признавали войну безнадежной” (Сафранчук, Казанцев, Махмудов 2020:404); а также “патриотическая” реинтерпретация целей правительства СССР в Афганистане (Сафранчук, Казанцев, Махмудов 2020).

официальный отчет, то в воспоминаниях Трошева заметна большая эмоциональность, свойственная скорее публицистике, где обсуждаются не только достоверные сведения, но и слухи, подозрения, личные неприязни. Тем не менее, на основании воспоминаний генералов можно реконструировать ту значимую для морального опыта диспозицию, о которой я уже упоминал. Диспозиция прежде всего задана функционалом военачальника, но в нашем анализе мы будем его рассматривать не на основании устава, а по тому, что генералы сочли необходимым отметить в воспоминаниях, посчитали для себя и читателя значимым.

Стратегическая диспозиция

В функциях командующего ограниченным контингентом или объединенной группировкой, по цепкой терминологии Трошева, можно выделить “горизонталь”, требующую “руководить разными, специфическими родами войск и служб, которые действуют параллельно, на своих направлениях, хотя в конечном счете и на достижение одной цели...есть, кроме основных подразделений, и связисты, и инженеры, и “химики”, и разведчики, и ремонтники, и даже медики [...]”; “однако есть еще и вертикаль. А именно – подчиненные военачальнику войсковые объединения, соединения, части и, наконец, подразделения [...] заниматься даже ротой, а то и взводом!” (Трошев 2004: 250–251). Таким образом, в сферу ответственности военачальника, но, конечно, не ограниченные лишь этим, в случае военных действий входят: детальное планирование операции, план перегруппировки сил и средств, построение схемы организационно-штатной структуры управления, издание приказов, осуществление разведки, обеспечение охраны командования и других уязвимых объектов, обеспечение связи, обеспечение быта военнослужащих (одежда, экипировка, отдых, паек) (Трошев 2004: 237–238).

В результате неотъемлемой частью функционала военачальника является координация действий не только разных родов войск, но и разных ведомств: министерства обороны, КГБ/ФСБ, министерств и ведомств, ответственных за снабжение, транспорт, поставку и разработку военной техники, связи и т.п., – что уже делает военачальника вовлеченным в политические процессы и решения. Кроме того, необходимо иметь в виду, что военачальник действует на определенной территории, где есть местное население, имеющиеся структуры власти и управления, а потому он вынужден с ними взаимодействовать и принимать в расчет симпатии или сопротивление с их стороны. Наконец, имеется общий фон, в том числе международный⁷, проводимой операции: от информационной

⁷ “Непросчитанность геополитических последствий дорого обошлась СССР. Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира, поэтому после силовой акции в Афганистане Советский Союз потерял много друзей и приобрел много врагов” (Христофоров, Гусева 2020: 388).

поддержки или осуждения действий армии (пропагандистские или информационные войны) до финансовой поддержки, снабжения оружием и боеприпасами, пополнения живой силы противника со стороны иностранных держав (в случае Афганистана – Пакистан и Иран; в случае Чечни – многие мусульманские страны и регионы). Таким образом, помимо непосредственно связанных с войсками видов деятельности, военачальник вовлечен в стратегическое планирование, то есть для него имеют значение не только военные, но и политические цели и последствия проводимой военной операции.

Учитывая особенности конфликтов, в которых действовали ограниченный контингент и объединенная группировка войск – гражданская война в Афганистане с партизанскими боевыми действиями, гражданско-партизанско-террористический характер войны в Чечне, с чудовищными эпизодами захвата заложников, – армейским военачальникам приходилось иметь дело с несвойственной для армии деятельностью. Так, Громов отмечает, что из-за особенностей географии страны и форм сопротивления почти треть ресурсов уходила на защиту грузов и охрану путей. Это не было учтено при планировании, потребовалось перестраиваться, “обучаться на ходу”, выбирать лишь возможные при таком ограничении боевые задачи. И в том, и в другом конфликте армейские части были привлечены к “зачисткам”, которые явно вызывают большое раздражение у обоих генералов. В целом, имеющийся функционал, особенности конфликтов и положения на местах ставят перед военачальниками ряд моральных дилемм, которые им приходится решать.

Мирное население

В случае “зачисток” в Афганистане, по описанию Громова, они проходили так: “планируя боевые действия, мы стремились сконцентрировать в Герате и прилегающей к нему “зеленой зоне” основные бандформирования душманов. Они боялись открытых столкновений и старались вообще избегать боев. Если душманы узнавали, что где-то нами готовится войсковая операция, то они старались немедленно уйти из опасного района. Моджахеды либо отправлялись на свои резервные базы, находившиеся далеко в горах и не представлявшие для нас какого-то интереса, либо оказывались в “зеленой зоне”, например возле Герата” (Громов 1994: 152). После этого, армия держала внешнее кольцо, а афганские войска и спецслужбы, разбивая город по районам, проводили досмотр и задержание боевиков. Однако афганские силы занимались разграблением населения, поэтому “понимая, что такую “революционную” экспроприацию остановить невозможно, а действовать в городе самостоятельно советские войска не имели права, мы решили прекратить “чистки” и проводить операции иначе” (Громов 1994: 154). Теперь под контролем советских войск афганские военные выводили подозреваемых (только мужчин) из домов и собирали в едином месте, где уже афганские спецслужбы проводили

досмотр и фильтрацию. Тем не менее, и новая схема не была особенно успешной, так как “не проводя ни расследования, ни суда, афганские чекисты выпускали задержанных в результате операций на свободу. Они возвращались к себе домой, и все начиналось сначала” (Громов 1994: 154).

В случае “зачисток” на Кавказе, по описанию Трошева, трехступенчатая схема с армией во внешнем кольце превратилась в “три эшелона” с армией впереди: “жители некоторых населенных пунктов классифицируют федеральные силы на свой манер – “по эшелонам”. Первый “эшелон” преимущественно бьет бандитов и делится с мирными людьми сухарями и консервами (это в основном армейцы). Второй “эшелон” делает “зачистки”, ничем не делится, зато в дом не заходит, пока гранату не бросит на всякий случай, сокрушая вокруг себя все (внутренние войска). Третий “эшелон” проходит село с большими сумками через плечо и забирает все ценное у тех же местных жителей (это в основном милиция)” (Трошев 2004: 77).

Но если Громов делает из этого опыта простой вывод: “Такие операции имели лишь одно преимущество – мы вообще не несли потери” (Громов 1994: 154), то для Трошева этот опыт становится поводом для рассуждения об этике войны: “В Чечне не все воюющие с обеих сторон знают “трофейные законы”. Что они еще не знают? Как ни странно, они не знают, на какой территории действуют. А это принципиально важно во всякой войне: кто на чьей земле воюет. “Дома и стены помогают” – гласит поговорка. И это правда, потому что симпатии местного населения и решают в конечном счёте исход вооруженного противоборства. Сколько же будет длиться конфликт в Чечне? Бесконечно, если считать эту землю ничейной, а тем более чужой. С того момента, как все “федералы” будут относиться к Чечне как к своей, война быстро завершится, а со временем и мир воцарится. О чем идёт речь? Прежде всего о том, что офицеры и солдаты должны четко уяснить – не только против кого они воюют, но и как воюют (в этическом плане)” (Трошев 2004: 76).

Сопоставляя выводы Громова и Трошева о “зачистках” и отношении армии с местным населением, можно предположить, что для ограниченного контингента в Афганистане было вполне понятно, “на чьей они земле”, были понятны правила, “как воевать”, более того, вполне осознавалась важность “симпатий местного населения”⁸. Но те, кому советские войска официально помогали – афганские власти – проявляли некомпетентность, недисциплинированность и недальновидность, что и привело в тупик миссию “воинов-интернационалистов”⁹.

8 “Афганцы очень тепло встречали наши первые колонны. Общение советских таджиков и узбеков с местным населением завязывалось повсюду. Как могли, они объясняли, что пришли в Афганистан не для того, чтобы воевать. И им верили. Когда стало ясно, что мы пришли надолго, отношение к нам резко ухудшилось” (Громов 1994: 116).

9 “Обстановку же в 1985 году можно было охарактеризовать одним словом – тупиковая. Активные боевые действия непрерывно велись в нескольких районах страны, тем не менее душманы, разбитые в той или иной провинции, всегда очень

И в том, и в другом случае мирное население страдает, в повествовании генералов, не от армейцев, а от правоохранителей, особенно местных. Если Громова это заставляет задавать вопросы о политических целях ввода советских войск в Афганистан, о целесообразности помощи “афганской революции”, руководители которой столь некомпетентны, то Трошев, анализируя опыт чеченских войн, задается политическими вопросами о конфликте идентичностей – локально-этнических и национально-гражданской, – о том, кому и чему были лояльны местные власти, почему они попустительствовали коррупции, мародерству и даже “бандформированиям”: “Я человек военный, федеральный, давно привык глушить в себе национально-эмоциональные всплески и считаю: государственный человек высокого ранга не имеет права на национальные слабости и пристрастия. Выбирая между общим и частным, между федеральным и региональным, между нацией и родом (тейпом), между общенародным и индивидуальным – он обязан отдавать предпочтения первому [...] военные по самой своей сути, по призванию являются сословием людей государственных. Постоянно находясь в ситуации выбора, легко спутать ориентиры [...] в армейской жизни все сложнее и проще, чем на “гражданке”, потому что здесь слишком многое определяется четко и ясно, независимо от характера и качеств личности” (Трошев 2004: 112–113). Таким образом, оба генерала выходят на уровень обсуждения политических вопросов и политических целей боевых операций, которыми они руководят, а это ведет их к взаимодействию с другими ведомствами и политическим руководством.

Война и политика

В воспоминания Громова включены документы внутренних дискуссий советского руководства о ситуации в Афганистане, но странным образом ключевой вопрос о том, кто и почему принял решение об “интернациональной помощи” красноречиво опущен: за многочисленными документами, где показано нежелание допускать ввод войск, следует глава “Время ‘Ч’” о подготовке и вводе войск в Афганистан (Громов 1994: 84 ff.). Однако, в некоторых случаях резкая оценка, которую дает Громов, позволяет предположить, на кого следует возложить ответственность: “Очевидно, не навоевавшись со своими соотечественниками, кабинетные деятели КГБ стремились во что бы то ни стало проявить доблесть в Афганистане. Вот только для того, чтобы кто-то из них продырявил лацкан своего пиджака для очередного ордена, солдаты и офицеры 40-й армии должны были рисковать жизнью. Чекисты явно “подмочили” в Афганистане свою репутацию” (Громов 1994: 195). “Чекисты” докладывали

быстро восстанавливали свои силы и заново создавали большое количество баз и складов. Через полтора месяца после того, как наши батальоны возвращались в военные городки, мы снова были вынуждены проводить операции” (Громов 1994: 174).

об уничтожении командиров отрядов, которые потом появлялись живыми, скрывали информацию от военных, выслуживались перед политическим руководством¹⁰, подвергая опасности жизнь военных и интересы дела. Однако от критики самого политического руководства и его целей Громов скорее воздерживается¹¹.

В отличие от Громова, Трошев высказывается о тех, кто, по его мнению, ответственен за провалы и необходимость возобновлений боевых действий в Чечне без обиняков: “Что бы там ни говорили о войне 1994-1996 годов, убеждён: проиграли ее не военные, которые находились в окопах и боролись с бандитами, а политики и те, кто отвечал за информационное обеспечение операции ‘по восстановлению конституционного порядка’” (Трошев 2004: 114). И более жестко: “эти словно врагом спланированные остановки, эти украденные у армии победы – самая острая, после людских потерь, боль. Как воевать, если достигнутый кровью успех напроць перечёркивался совершенно ненужными ‘переговорами’?” (Трошев 2004: 67)¹². Пренебрежение мнением военных, постоянное вмешательство со стороны “заезжих” начальников,¹³ возможные коррупционные связи

10 “Несмотря на особое положение, которое всегда занимала внешняя разведка, военное командование в Кабуле очень осторожно относилось к информации, исходившей от сотрудников этого ведомства. Они нередко ориентировались только на свои интересы. Пытаясь защитить честь мундира, люди из внешней разведки иногда умудрялись даже объективные данные радиоперехвата и аэрофото съемки интерпретировать таким образом, чтобы подтвердить выводы, к которым пришли их московские начальники. В таких случаях представитель КГБ СССР докладывал в Москву имевшиеся у него сведения, даже не проинформировав о них командование 40-й армии” (Громов 1994: 266).

11 Интересным является следующее наблюдение за эволюцией взглядов Громова: “Его современные комментарии полностью соответствуют патриотической интерпретации. Если в прошлом он настаивал на том, что военного поражения не было (признавая, что не было и победы), то в его современных комментариях “непоражение” становится “фактически военно-политической победой”. И если раньше он считал главными идеологические цели войны, то теперь говорит только о геополитических и контртеррористических. Однако в 2019 г. впервые после 1994 г. была переиздана его книга “Ограниченный контингент”, в которой нет никаких изменений по сравнению с первым изданием. В результате содержание книги и публичные выступления Громова существенно контрастируют друг с другом” (Сафранчук, Казанцев, Махмудов 2020: 406).

12 “Однако вновь от переговоров выиграла лишь чеченская сторона. Отказавшись от прямого противоборства и используя договоренность о взаимном прекращении огня, боевики сделали ставку на тактику партизанской борьбы и диверсионно-террористическую деятельность [...]” (Трошев 2004: 73).

13 “Два столичных чиновника установили в Ханкале свои порядки, как бы утверждая на практике принцип: “война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным”. Впрочем, государственная власть негласно, но с завидной последовательностью проводила его с первого дня чеченской кампании, отстраняя под различными предлогами генералов от кардинального решения военно-политических проблем. [...] Профанация чеченской кампании достигла своего апогея” (Трошев 2004: 129).

между московскими “дельцами” от политики и сепаратистами, были не только опасны для дела, но чрезвычайно унизительны: “[...] Пожалуй, никогда еще в России генералы не были так бесправны и беспомощны на войне из-за давления гражданских лиц, полных дилетантов в военных вопросах” (Трошев 2004: 129).

Очевидно, что в обоих случаях значимая для военачальников политическая повестка включала в себя не только межведомственное или внутриведомственное соперничество, но и затрагивала внешнеполитические, международные вопросы. Для Громова более важным фактом оказывается помощь моджахедам, постоянно поступающая из Пакистана, и, соответственно, военная необходимость блокировать границу, а также ограничения, наложенные на военных (запрет на приближение к границе), которые были вызваны нежеланием политического руководства спровоцировать международный конфликт. Для Трошева, помимо подозрений по отношению к политикам, возмущения действиями правозащитников и прессы, обличения происков зарубежных “кукловодов” (британцев, саудитов и др.), наиболее важным является тот факт, что, кроме войны обычными средствами, велась информационная война. В последней чеченцы оказались, по его мнению, очень успешны (Трошев 2004: 31ff): подрывали доверие и уважение к армии через прессу, запугивали население терактами, манипулировали международными правозащитными организациями. Поэтому, отмечает Трошев, “армия должна уметь защищаться не только от огня противника, но и от информационных атак недобросовестных журналистов” (Трошев 2004: 115). Но не ради корпоративных интересов армии или ее генералов, а уметь защищать – даже в суде – “интересы государства, нравственное здоровье общества, честь своих солдат, спокойствие их родных и близких” (Трошев 2004: 117). Таким образом, военные операции даже в относительно локальных конфликтах вовлекают военачальников во взаимодействие как с иными ведомствами и политическим руководством, так и с прессой, гражданским обществом и общественным мнением, в том числе международным, относительно всех аспектов проводимых ими боевых действий.

Учитывая межведомственное соперничество¹⁴ и недоверие к политическому руководству, постсоветский военачальник апеллирует к

Прибывающие из Москвы контролеры вызывают не больше симпатии и у Громова: “Тем не менее вся неделя пребывания в Афганистане нередко посвящалась тому, что некоторые из них внимательно рассматривали, как заправлены солдатские кровати и стоят ли рядом с тумбочками тапочки. Если же они появлялись в районе боевых действий, да и то лишь на несколько часов, то интересовались, например, тем, почему отсутствует громкоговорящая связь” (Громов 1994: 148). Однако в некоторых случаях дело доходило до беды, когда в результате пренебрежения мнением военных со стороны московских начальников погиб генерал-майор В. Хахалов (Громов 1994: 140–141).

¹⁴ Следует отметить, что в ходе второй войны Трошев как раз отмечает скоординированное взаимодействие и взаимопомощь, см например эпизод о спасении комендатуры в Шали (Трошев 2004: 295–297).

общественному мнению и ищет общественной поддержки, однако формулирует этот запрос на поддержку не для себя лично – Трошев подвергает суровой критике А. Лебеда за “бонапартизм”¹⁵, – а скорее как поддержку деперсонифицированного “солдата”, который расширяется до “огромной массы людей, имеющих непосредственное отношение к защите Родины” (Трошев 2004: 117). Так, переговоры, уступки сепаратистам в ходе Чеченской войны, а также огромный негативный фон в публичной сфере, который, по мнению Трошева, создавался прессой, правозащитниками, международными организациями, существенно затрудняли выполнение задач для военачальников и для руководимых ими армейских подразделений¹⁶. “Солдат” готов переносить трудности, даже неудачи, если чувствует свою правоту, лишение же общественной поддержки имело огромный деморализующий эффект: “В Чечне боец был чумазым только сверху, зато внутри чистым. Он осознавал себя защитником единства и достоинства Родины, его враги боялись, он их бил под Шатоем, под Бамугом, под Шали, в Грозном [...] Он свой чумазый нос мог от гордости держать высоко. А после бегства из Чечни чувствовал себя оплеванным и опозоренным. Над ним весь мир смеялся” (Трошев 2004: 134). Борьба на “информационном фронте” становится необходимой для новых войн, не столько имея целью противника, сколько для поддержания боевого духа собственных военнослужащих.

Императивы и приоритеты

Если чеченская война проходила во многом под объективами видеокамер, которые часто были очень эффективным информационным оружием (записи казней и пыток, которые делали боевики для устрашения; прямые репортажи с терактов, которые существенно осложняли контртеррористические меры; журналистские репортажи и документальные фильмы, которые показывали ужасы войны и для солдат, и для мирных жителей и сильно влияли на общественное мнение) против ведущих боевые операции войск, то в Афганистане, где информационная обстановка была совершенно другой (цензура для прессы, закрытость ограниченного контингента), поддержание морального духа, по свидетельству Громова, осуществлялось иным образом. Главной опорой было не столько

15 Как пишет Трошев, “ради непомерного честолюбия, ради создания имиджа ‘спасителя нации’ он [Лебедь] предал воюющую армию, предал павших в боях и их родных и близких, предал миллионы людей ждавших от государства защиты перед беспределом бандитов. [...] Ныне не только мне, но и абсолютному большинству армейских офицеров стыдно, что этот генерал – наш бывший сослуживец” (Трошев 2004: 134–135).

16 “Я очень болезненно переживал моменты ‘утраты’ того, что завоёвывалось кровью российских солдат и что так легко отдавалось нашими ‘переговорщиками’” (Трошев 2004: 75). Такие уступки и долгое пребывание в пунктах дислокации порождало пьянство и мародерство, вело к небоевым потерям.

осознание справедливости целей всей операции, сколько более замкнутый на военной корпорации принцип “своих не бросаем”: “В частях Ограниченного контингента советских войск в Афганистане с первого дня действовал приказ о том, что ни один военнослужащий – контуженый ли, раненый или убитый – не должен оставаться на поле боя. Все, в том числе и тела погибших, должны быть найдены и вывезены. За всю свою продолжительную службу в Афганистане я не помню случая, чтобы мы хоть раз оставили на произвол судьбы офицера или солдата. Порой возникали ситуации, когда для поисков военнослужащих мы были вынуждены даже возобновлять боевые действия” (Громов 1994: 269). Задаваясь вопросом о том, стоил ли этот этический принцип дополнительных потерь, которые появлялись в ходе спасательных операций¹⁷, Громов дает недвусмысленный ответ: “Если бы мы хоть раз поступили иначе, то уже не смогли бы поднять моральный дух солдат и офицеров Ограниченного контингента. Идя в бой, каждый должен быть уверен в том, что, окажись он в критической ситуации, его не бросят, не предадут. Товарищи вытащат его даже ценой собственной жизни. Об этом знал каждый, в том числе и я. [...] Конечно же, это придавало уверенность действиям каждого солдата и офицера” (Громов 1994: 276). Показательно, что родственники и близкие военнослужащих, которые смогут попрощаться с эвакуированным телом погибшего, также играют большое значение, как бы включены в круг корпоративной этики.

Декларируемый принцип сбережения жизни военнослужащих¹⁸, который оба генерала не раз подчеркивают, может побудить военачальника даже к невыполнению приказов командования. Громов говорит о “святом обмане”, когда военные имитировали боевые операции, навязанные вышестоящим командованием, незнакомым с обстановкой на месте: “Мы прекрасно знали, где берут начало все эти московские распоряжения. Нередко нам приходилось идти даже на обман, но это был святой обман, для того чтобы исключить гибель наших военнослужащих. [...] Под

17 Громов приводит эпизод с эвакуацией тел погибших: “Вертолет, в котором он находился, был подбит душманами и упал недалеко от их базы. После того как это произошло, мы были просто вынуждены с ожесточенными боями пробиваться по горам и хребтам, по дну двух ущелий в центр горного массива. Очень быстро подготовленная операция проводилась главным образом, конечно же, для того, чтобы забрать хотя бы тела генерала и членов экипажа, погибших вместе с ним, и не оставить их на поругание. Когда мы дошли до центра Луркоха и окончательно овладели этим укрепрайоном, недалеко от базы нашли обломки подбитого вертолета и останки офицеров. На них было страшно смотреть. Над телами генерала, а он был в форме, и вертолетчиков душманы жестоко глумились – им выкололи глаза, отрезали уши [...]” (Громов 1994: 141).

18 “основная же задача [...] чтобы при планировании и проведении боевых действий была сведена до минимума возможная гибель солдат и офицеров, проходивших службу в составе Ограниченного контингента” (Громов 1994: 172); “исходили из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения” (Трошев 2004: 14).

всевозможными предложениями, идя на различные ухищрения, мы делали все, что было в наших силах, только для того, чтобы лишь обозначить боевые действия и отчитаться перед Москвой: мы провели в таком-то районе то, что нам было приказано” (Громов 1994: 218–219).

Трошев описывает ситуацию неповиновения тогдашнего командующего группировкой А. Куликова, которому приказали прекратить огонь из-за объявленного политиками перемирия, но перемирия именно в тот момент, когда были блокированы силы противника и проходила операция по их окончательному уничтожению¹⁹. Командующий объединенной группировкой пробовал переубедить политиков, но безуспешно, а потому А. Куликов принял самостоятельное решение: “Я – командующий группировкой войск, и я беру ответственность на себя. Бей их, гадов, всеми средствами! [...] Я за все отвечаю. Москва далеко, а нам тут, на месте, виднее [...]” (Трошев 2004: 69). Очевидный контраст между нежеланием ввязываться в бессмысленные боевые действия и нежеланием останавливать боевые действия, тем не менее, не отменяет единого обоснования для нарушения приказа – сохранения жизней подчиненных военнослужащих.

Этот же принцип – сохранения жизней подчиненных военнослужащих – определял и контраст в отношениях с противником. Для Громова и для офицеров ограниченного контингента предпочтительной была “заморозка”²⁰ боевых действий, а значит, установление некоего взаимопонимания с противником: “Достигая своих военных целей, мы всегда думали о том, как избежать гибели наших солдат. Поэтому старались применять новые и неординарные способы воздействия. Подчас приходилось идти даже на обман, для того чтобы вытащить противника на переговоры и попытаться убедить его отказаться от вооруженной борьбы. На мой взгляд, такого мнения придерживалось большинство офицеров и генералов Ограниченного контингента. Ни одна революция, а уж тем более афганская, не стоит бесчисленных жертв” (Громов 1994: 196). В воспоминаниях Громова имеются портретные вставки о командирах моджахедов и руководителях “контрреволюции”, включая тех, кто был непримиримым врагом советских войск, однако Громов дает взвешенные оценки, описывает их способности, силы, обращает внимание на то, благодаря чему они смогли стать лидерами, признает их заслуги в поддержании порядка, обеспечении нужд населения на подконтрольных им территориях. Хотя Громов говорит об их жестокости, шокирован обнаружением пыточной тюрьмы

19 “казалось, все – ‘труба’ нашему десанту, ‘труба’ идее, за которую сложили голову воины майора Звягина, ‘труба’ замыслу добить бандитов” (Трошев 2004: 69).

20 “Многие офицеры, оказавшись в Афганистане, очень скоро понимали бесперспективность боевых действий как основы нашего пребывания здесь, потому что, за редким исключением, ничего, кроме жертв среди наших солдат и среди афганцев, они не несли. Безусловно, мы оказывались перед необходимостью проведения ответных операций, для того чтобы исключить повторные нападения на наши гарнизоны. И все же многие, в том числе и я, были сторонниками переговоров с противником, в данном случае с душманами” (Громов 1994: 174–175).

в горах, он признает необходимость переговоров как в краткосрочной перспективе для безопасности ограниченного контингента, так и в долгосрочной перспективе для установления стабильного мира²¹.

В изложении Трошева наиболее частым термином для описания сепаратистов является “бандиты”²², даже вызывавший как бывший кадровый военный некоторую симпатию А. Масхадов “оказался за одно с бандитами” (Трошев 2004: 186). Переговоры с ними вести бессмысленно, для них возможен только язык ультиматумов (ультиматум К. Пуликовского (Трошев 2004: 122) и ультиматум при втором штурме Грозного (Трошев 2004: 306)) и оружия. Лишь перешедшие на сторону федеральных войск (Ямадаевы (Трошев 2004: 281 ff.)) могут заслуживать позитивных характеристик. С наибольшей симпатией говорится о А. Кадырове, который сначала санкционировал борьбу за освобождение Чечни, а затем пересмотрел свое отношение к “борцам за свободу”, которые оказались слишком жестокими и продажными²³ (Трошев 2004: 365–372). Такое отношение к противнику в некоторой степени отразилось и на амбивалентной оценке страданий мирного населения: “Они выходили из сел запуганные, с широко раскрытыми от страха глазами, на плечах узлы с домашним скарбом. У некоторых на руках были младенцы. Дети шли по раскисшей от дождей дороге, утопая по щиколотки в грязи и держась за юбки матерей. Мне больно было на это смотреть; настолько жуткая картина, что щемило сердце. Однако все мы (от солдата до генерала) понимали, что не действия федеральных войск первопричина их страданий, а бездумная и нередко преступная жизнь глав семейств, откуда на протяжении нескольких лет исходила угроза всему Дагестану. Теперь настал час расплаты” (Трошев 2004: 243). Тем не менее, отдается должное и ополченцам из мирных жителей, которые сопротивлялись бандитам как в Дагестане, так и в Чечне. Очевидно, что для Трошева долгосрочный мир возможен только после искоренения сепаратистов²⁴, которые сначала имели некоторую поддержку населения²⁵, но затем ее совершенно утратили, поэтому

---

21 “Могли ли мы вообще выиграть войну в Афганистане? Здравый смысл подсказывает, что победить военным путем целый народ невозможно” (Громов 1994: 195).

22 “Штрихи к портрету” в воспоминаниях Трошева включают таких фигур сепаратистов, как М. Удугов (Трошев 2004: 32–37), Ш. Басаев (Трошев 2004: 79–86), С. Радуев (Трошев 2004: 94–99), А. Бараев (Трошев 2004: 160–166), А. Масхадов (Трошев 2004: 177–186), Хаттаб (Трошев 2004: 228–232) Р. Гелаев (Трошев 2004: 345–350). Среди “вставок” имеются также и портреты генералов федеральных войск, политиков, а также нового главы Чечни – А. Кадырова.

23 “Фактическая независимость Чечни обернулась взрывом, разрухой и всеобщим обнищанием рядовых жителей. Благоденствовали только бандитские стаи, прикрывавшие свои постыдные деяния ваххабитской риторикой” (Трошев 2004: 297).

24 “Банда сильна своим главарем. Не будет главаря, разбежится и банда. Если террорист не хочет сложить оружие, он должен быть уничтожен” (Трошев 2004: 375).

25 “И все же только одним военным присутствием [...] не решишь чеченскую проблему. Много, если не все, будет зависеть от самого чеченского народа, от

всякие перемирия, переговоры, прекращения огня играли на руку противнику²⁶ и лишь увеличивали жертвы со стороны войск (и мирного населения) в будущем.

Прекращение войны

Афганская война завершилась выводом советских войск после девятилетнего пребывания в стране, многочисленных жертв, неясного результата “интернациональной помощи”. Поэтому “уроком” из опыта Афганистана для политиков и для военачальников Громов считает осознание ограниченности возможностей войсковых операций: “Афганистан для многих, но прежде всего для нас самих оказался ярчайшим примером того, что силовые методы решения политических проблем бесперспективны. Нынешние и будущие политики, на мой взгляд, постоянно должны помнить о том, что не должно быть разрыва между целью и средствами ее достижения. Только взаимное согласие, только переговоры, только достижение компромисса помогут выйти из тупика. Это единственно верный путь при разрешении любых, на первый взгляд сложных, проблем. В противном случае даже самые благие намерения не станут гарантией от увеличения числа жертв вооруженных конфликтов” (Громов 1994: 337). Показательно, по свидетельству Трошева, что, когда министр обороны П. Грачев предложил Б. Громову возглавить объединенную группировку войск для решения проблемы сепаратизма на Кавказе, тот отказался. Но для Трошева все же совершенно очевидно, что политическое решение о начале боевых действий, как бы к нему ни относились армейцы, требует ответственного планирования “стратегии выхода”, но не столько по политическим соображениям, сколько потому, что “держава, умеющая начинать войну, должна уметь и достойно ее заканчивать. Иначе за неё впредь никто не станет воевать” (Трошев 2004: 157).

Наконец, для обоих генералов важно, чтобы заслуги отличившихся военнослужащих были вознаграждены. Награды должны быть справедливы и даны всем, кто их заслужил (и главным образом тем, кто заслужил, а не “заезжим” или даже не заезжавшим начальникам (Трошев 2004: 285–286)), поэтому в воспоминаниях приводятся имена военнослужащих, подчеркиваются подвиги подразделений, описываются усилия генералов

того, насколько он готов помочь “федералам” покончить с бандитизмом” (Трошев 2004: 377).

26 “от переговоров выиграла лишь чеченская сторона. Отказавшись от прямого противоборства и используя договоренность о взаимном прекращении огня, боевики сделали ставку на тактику партизанской борьбы и диверсионно-террористическую деятельность... За время действия моратория командованию боевиков из разрозненных и деморализованных отрядов удалось собрать четыре относительно крупные группировки, пополнить их “добровольцами”, вооружением, боеприпасами, восстановить систему управления, развернуть новую сотовую систему связи” (Трошев 2004: 73).

по тому, чтобы награды нашли героев. Очевидно, что непризнание заслуг, проявленное неуважение к военным, когда при выводе войск не было организовано достойной встречи²⁷, а также игнорирование боевого опыта были оскорбительны не только для ограниченного контингента, но и обидой для всей армейской корпорации: “Замалчивание афганской темы привело, на мой взгляд, к тому, что у многих сформировалось неправильное отношение к ветеранам закончившейся несколько лет назад войны. А ведь армия сильна не столько имеющимся оружием, сколько любовью своего народа” (Громов 1994: 335). Таким образом, достойный выход из боевой операции состоит не только в выполнении поставленной задачи, в сохранении жизни военнослужащих, но и в признании “ратного труда” военнослужащих и военачальников со стороны политического руководства и гражданского общества в целом.

Заключение

Анализируя этос воина, показывая его исторические трансформации и настаивая на его сохранении сегодня, главным образом, ради блага мирных граждан, К. Коукер подводит итог своих изысканий: “война уже давно лишилась своей “славы”. Это ремесло убийства и жестокости. В отличие от Джорджа Паттона, ни один генерал сегодня не посмеет признаться в любви к войне. Но даже будучи ужасной, она остается неизбежной. Мы так и не смогли найти способ от нее избавиться, возможно, что и не сможем. Все на что мы можем рассчитывать это сделать ее менее бесчеловечной, именно поэтому мы и полагаемся на этос воина” (Coker 2007: 146)²⁸. Однако, как мы видели, антропология морального опыта войны показывает, несмотря на то, что целью военного насилия является разрушение, механизмом этого разрушения движут человеческие социальные эмоции и моральные ценности. В этосе военачальника главным оказывается принцип сбережения жизни своих военнослужащих, круг которых расширяется до их родных и близких. Но если в одном случае этот принцип будет требовать переговоров, установления перемирий и некоего разграничения сфер влияния с противником, то в другом случае

---

27 “[...] не мог даже предположить, что после девятилетнего пребывания 40-й армии в Афганистане нас так никто из руководства страны и Министерства обороны и не встретит. Если ни у кого из руководителей не нашлось времени (а скорее всего, желания), чтобы приехать в Термез, ничто не мешало через полторы-две недели пригласить в Москву тех, кто хотя бы командовал частями 40-й армии в течение девяти лет, на какой-нибудь скромный прием. Причем устроить его должно было не Министерство обороны, поскольку решение о вводе войск принимали не военные” (Громов 1994: 345).

28 “War may long ago have been stripped of its ‘glory’. It is a murderous, unforgiving trade. Unlike George Patton, no general today dare confess to loving it. But if a horrific practice it is still a necessary one. We have not yet found a way to ban it; possibly we never will. All we can aim for is to make it less inhumane, which is why we still rely on the warrior ethos” (Coker 2007: 146).

этот же принцип может требовать безжалостного истребления противника, даже ценой чудовищных разрушений и жертв среди мирного населения. Все решает то, каким образом определяется противник. Вопрос же о том, кто будет “врагом”, относится к области политических решений, или даже политической теологии.

Литература

- Авдони́на, Наталья (2015), “Исполнившие интернациональный долг. Образ ‘афганца’ в советских средствах массовой информации”, *Свободная мысль* 5 (1653): 189–206.
- Боянич, Петар (2019), “Как (и когда) положить конце войне (войнам)?”, в Виктор Римский (ред.), *Философия войны и мира, насилия и ненасилия*, Москва: Академический проект, стр. 69–85.
- Ведерников, Георгий (2020), “Моральный опыт операторов беспилотных летательных аппаратов”, в Аркадий Лазаревич (ред.), *Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития*, В 3 т. Т. 3. Минск : Четыре четверти, Т.3, С. 313–315.
- Громов, Борис (1994), *Ограниченный контингент*, Москва: Прогресс-Культура.
- Давлетшина, Анна (2021), “Ценностные ориентации и религиозная вера в воспоминаниях советских беженцев Второй мировой войны”, *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku* 99: 153–164.
- Давыдов, Данила (2005), “Письмо-для-себя как письмо-для-другого”, *Новое Литературное Обозрение* 5 (75). (internet) available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/pismo-dlya-sebya-kak-pismo-dlya-drugogo.html> (viewed 31.07.2022)
- Дудчик, Андрей (2021), “Номос болота: концептуализация проекта белорусской ‘партизанской этики’”, *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku* 99: 165–182.
- Калдор, Мэри (2015), *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*, Москва: Издательство Института Гайдара.
- Кокосин, Андрей (2018), *Вопросы прикладной теории войны*, Москва: ИД ВШЭ.
- Копштерс, Бруно; Фоушник, Ник; Апресян, Рубен (ред.) (2002), *Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры*, Москва: Гардарика.
- Куманьков, Арсений (2020), *Война в XXI веке*. Москва: ИД ВШЭ.
- Куманьков, Арсений (ред.) (2019), *Проблематика войны в гуманитарных науках*, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Латышев Дмитрий (2021), “Миссия полкового священника на поле боя и православная этика во время Первой мировой войны (на примере Оренбургского и Сибирского казачьих войск)”, *Философская мысль* 11: 139–148.
- Луныков, Александр (2022), “Православный священник на войне: классификация морального опыта”, *Социологическое обозрение* 21 (2): 66–81. doi: 10.17323/1728-192x-2022-2-66-81
- Меньшиков, Андрей (2018), “Метафизика и генеалогия: первая мировая война в оценке философов и литераторов”, *Вестник Пермского Университета – История* 3 (42): 89–96. doi:10.17072/2219-3111-2018-3-89-96
- Мюнклер, Герфрид (2018), *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках*, Москва: Кучково поле.
- Римский, Виктор (ред.) (2019), *Философия войны и мира, насилия и ненасилия*, Москва: Академический проект.

- Сафранчук, Иван; Казанцев, Андрей; Махмудов, Рустам (2020), “Патриотический вектор в ретроспективных оценках Афганской войны”, *Quaestio Rossica* 8 (2): 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470
- Трошев, Геннадий (2004), *Моя война. Чеченский дневник окопного генерала*, Москва: Вагриус.
- Черепанова, Екатерина (2021), “Тема смерти в личной корреспонденции русских участников войн 1939–1945 годов: реакции, рефлексии и практики оправдания”, *Зборник Матице српске за slavistiku* 99: 135–151.
- Coker, Christopher (2007), *The Warrior Ethos. Military Culture and the War on Terror*, Milton: Routledge.
- Crépon, Marc (2017), *Violence (ABC Penser), Entretien tourné le 1er décembre 2017*. (internet) available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MSQuR0Uda2Y> (viewed 31.07.2022)
- Crépon, Marc; Worms, Frédéric (2015), *Philosophie face à la violence*, Paris: Équateurs.
- Mattingly, Cheryl; Throop, Jason (2018), “The Anthropology of Ethics and Morality”, *Annual Review of Anthropology* 47: 475–492. Doi: 10.1146/annurev-anthro-102317-050129
- Molendijk, Tine (2018), “Toward an Interdisciplinary Conceptualization of Moral Injury: From Unequivocal Guilt and Anger to Moral Conflict and Disorientation”, *New Ideas in Psychology* 51: 1–8. Doi: 10.1016/j.newideapsych.2018.04.006
- Zigon, Jarrett (2008), *Morality. An Anthropological Perspective*, Oxford, New York: Berg.

References

- Avdonina, Natal'ya (2015), “Ispolnivshie internacional'nyj dolg. Obraz 'afganca' v sovetskih sredstvakh massovoj informacii”, *Svobodnaya mysl'* 5 (1653): 189–206.
- Boyanich, Petar (2019), “Kak (i kogda) polozhit' konce vojne (vojnjam)?” v: Viktor Rimskij (red.), *Filosofiya vojny i mira, nasiliya i nenasiliya*, Moskva: Akademicheskij proekt, str. 69–85.
- Cherepanova, Ekaterina (2021), “Tema smerti v lichnoj korrespondencii russkih uchastnikov vojn 1939–1945 godov: reakcii, refleksii i praktiki opravdaniya”, *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 99: 135–151.
- Coker, Christopher (2007), *The Warrior Ethos. Military culture and the war on terror*, Milton: Routledge.
- Crépon, Marc (2017), *Violence (ABC Penser), Entretien tourné le 1er décembre 2017*. (internet) available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MSQuR0Uda2Y> (viewed 31.07.2022)
- Crépon, Marc; Worms, Frédéric (2015), *Philosophie face à la violence*, Paris: Équateurs.
- Davletshina, Anna (2021), “Cennostnye orientacii i religioznaya vera v vospominaniyah sovetskih bezhencev Vtoroj mirovoj vojny”, *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku* 99: 153–164.
- Davydov, Danila (2005), “Pis'mo-dlya-sebya kak pis'mo-dlya-drugogo”, *Novoe Literaturnoe Obozrenie* 5 (75). (internet) available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/pismo-dlya-sebya-kak-pismo-dlya-drugogo.html> (viewed 31.07.2022)
- Dudchik, Andrej (2021), “Nomos bolota: konceptualizaciya proekta belorusskoj 'partizanskoj etiki'”, *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku* 99: 165–182.

- Gromov, Boris (1994), *Ogranichennyj kontingent*, Moskva: Progress-Kul'tura.
- Kaldor, Meri (2015), *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nyu epohu*, Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
- Kokoshin, Andrej (2018), *Voprosy prikladnoj teorii vojny*, Moskva: ID VSHE.
- Koppiters, Bruno; Foushik, Nik; Apresyan, Ruben (red.) (2002), *Nravstvennye ogranicheniya vojny: problemy i primery*, Moskva: Gardariki.
- Kuman'kov, Arsenij (red.) (2019), *Problematika vojny v gumanitarnyh naukah*, Sankt-Peterburg: Aletejya.
- Kuman'kov, Arsenij (2020), *Vojna v XXI veke*, Moskva: ID VSHE.
- Latyshev Dmitrij (2021), "Missiya polkovogo svyashchennika na pole boya i pravoslavnaya etika vo vremya Pervoj mirovoj vojny (na primere Orenburgskogo i Sibirskogo kazach'ih vojsk)", *Filosofskaya mysl'* 11: 139–148.
- Lun'kov, Aleksandr (2022), "Pravoslavnyj svyashchennik na vojne: klassifikaciya moral'nogo opyta", *Sociologicheskoe obozrenie* 21 (2): 66–81. doi: 10.17323/1728-192x-2022-2-66-81
- Mattingly, Cheryl; Throop, Jason (2018), "The Anthropology of Ethics and Morality", *Annual Review of Anthropology* 47: 475–492. Doi: 10.1146/annurev-anthro-102317-050129
- Men'shikov, Andrej (2018), "Metafizika i genealogiya: pervaya mirovaya vojna v ocenke filosofov i literatorov", *Vestnik Permskogo Uuniversiteta – Istoriya* 3 (42): 89–96. doi10.17072/2219-3111-2018-3-89-96
- Molendijk, Tine (2018), "Toward an interdisciplinary conceptualization of moral injury: From unequivocal guilt and anger to moral conflict and disorientation", *New Ideas in Psychology* 51: 1–8. Doi: 10.1016/j.newideapsych.2018.04.006
- Myunkler, Gerfrid (2018), *Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah*, Moskva: Kuchkovo pole.
- Rimskij, Viktor (red.) (2019), *Filosofiya vojny i mira, nasiliya i nenasiliya*, Moskva: Akademicheskij projekt.
- Safranchuk, Ivan; Kazancev, Andrej; Mahmudov, Rustam (2020), "Patrioticheskij vektor v retrospektivnyh ocenках Afganskoj vojny", *Quaestio Rossica* 8 (2): 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470
- Troshev, Gennadij (2004), *Moya vojna. Chechenskij dnevnik okopnogo generala*, Moskva: Vagrius.
- Vedernikov, Georgij (2020), "Moral'nyj opyt operatorov bespilotnyh letatel'nyh apparatov", v Arkadij Lazarevich (red.), *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: duhovno-nravstvennye tradicii i tendencii innovacionnogo razvitiya*. V 3 t. T. 3. Minsk : CHetyre chetverti, T.3, S. 313–315.
- Zigon, Jarrett (2008), *Morality. An Anthropological Perspective*, Oxford, New York: Berg.

Andrey Menshikov

Ethical Aspects of Military Leadership in Modern Warfare (Memoirs of the Commanders-in-Chief in Afghanistan and Chechnya)

Abstract

While modern normative approaches to ethics of war (just war theories) stumble over theoretical aporia of legitimating "collective organized violence" such as the war, anthropological approaches to the practical ethics of the military servicemen focus on the lived moral experience and the enacted values of individuals who were placed in the situation of "total violence". Drawing on the memoirs of two generals who were Commanders-in-Chief in Afghanistan (B. Gromov) and in Chechnya (G. Trošev), the article explores the ethos of military leadership in modern warfare. The article demonstrates that strategic planning of military operations is inseparable from political goals and, therefore, involves military leadership in reflection on whether political goals are legitimate, whether national (and international) civil society should give its support to the military, whether military means are the best option for solving the crisis, and whether there is a viable exit strategy. Both generals declare the fundamental principle of sparing as many lives of their troops as possible in achieving their military objectives. But this principle, in the first case, leads to various attempts at "freezing" hostilities between opposing forces, whereas in the second step it requires ultimate destruction of the enemy no matter the cost. Thus, the text argues that the ethics of war and the ethos of the military leadership are determined by the way their opponent is framed by the political leadership. In both generals' view, military hostilities ultimately result from political failures.

Keywords: ethics of war, ethos of military leadership, Limited Contingent of the Soviet Troops in Afghanistan, United Armed Force in Chechnya, moral dilemmas, war and politics, exit strategies

Andrej Menjšikov

Etos komandanta u savremenim ratovima (prema uspomena ma komandanata ograničenog kontingenta sovjetskih trupa u Avganistanu i ujedinjene vojne grupacije u Čečeniji)

Apstrakt

Savremeni normativni pristupi etici rata, konkretno teoriji pravednog rata, nailaze na aporiju – na nemogućnost teoretskog opravdanja kolektivnog organizovanog nasilja rata. Antropološki pristupi, usmereni na proučavanje praktične etike vojske, razmatraju moralno iskustvo i stvarne vrednosti individua, koje su se našle u situaciji „totalnog nasilja“. Oslanjajući se na uspomene generala koji su komandovali trupama u Avganistanu (B. Gromov) i u Čečeniji (G. Trošev), autor analizira etos komandanta u savremenim ratnim sukobima. Pokazuje se da je strateško planiranje vojnih operacija neodvojivo od političkih ciljeva, zbog čega su komandanti prinuđeni da procenjuju opravdanost političkih ciljeva, postojanje podrške građanskog društva, racionalnu primenu vojnih sredstava, mogućnost izlaska iz vojne sukobljenosti. Oba generala ističu princip očuvanja života potčinjene vojske tokom dostizanja zadatih ciljeva, ali u prvom slučaju taj princip je izražen u „zamrzavanju“ ratnih dejstava, dok u drugom ovaj princip zahteva konačno uništenje protivnika, bez obzira na moguće gubitke među vojnicima i civilima. Izvodi se zaključak da etika rata i etos komandanta bivaju uslovljeni načinom na koji političko rukovodstvo određuje protivnika. Prema mišljenju oba generala ispostavlja se da sama potreba za ratnim dejstvima potiče od nekompetentnosti političara.

Ključne reči: etika rata, etos komandanta, ograničen kontigent sovjetskih trupa u Avganistanu, ujedinjena vojna grupacija u Čečeniji, moralne dileme, rat i politika, strategije izlaska iz rata